

УДК 811.161.1

В. С. Сидорец

**ВЕРБОИДНЫЕ СТРУКТУРЫ С КЛАССИФИКАТОРАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир»)**

Исследуются структура, семантика и функционирование вербоидных конструкций с классификаторами-существительными в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир».

Введение

Функционирование вербоидных структур типа *доходить до предела унижения, иметь чувство смерти, испытывать горечь разлуки* и другие в художественном тексте не получило освещения в научной литературе. Между тем мобильность их компонентов и ёмкость семантики стимулируют создание различных по протяжённости и внутренней организации речевых сегментов для реализации писателем художественного замысла. Как считает М. В. Всеволодова, классификаторы в составе вербоидных структур – своеобразные концепты этих образований. Они представлены существительными, определяющими «категориальный класс явлений действительности» [1, 46]: *акт, горечь, предел, процесс, свойство, сладость, состояние, чувство* и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Мы исходим из того, что ядром системы вербоидных структур являются неоднословные наименования акционально-статального признака типа *вызывать переполох, давать аудиенцию, испытывать радость* (в нашей терминологии – *вербоиды*), которые, являясь коммуникативными эквивалентами глаголов, восполняют их ограниченность в повествовании, особенно в текстах, где представлена эмоционально-психическая сфера человеческой деятельности. Весьма солидным резервом для функционирования вербоидов являются отмеченные существительные-классификаторы, значительно расширяющие конструктивно-смысловые возможности вербоидов и превращающие их в особые вербоидные структуры. Классификаторы задают тон повествованию, значительно влияя на семантический облик того или иного текстуального сегмента. Интересна в этом отношении мысль М. В. Всеволодовой о том, что «не контекст “проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [1, 26].

Большинство приведённых выше слов-классификаторов – сфера прежде всего художественного текста, специфика которого накладывает, естественно, отпечаток на вербоидные структуры.

Художественный текст проявляется через язык художественной литературы, который реализует авторский замысел и отражает стилевое многообразие составных социальных частей общества с помощью особого характера модальности, характеризующегося, как подчёркивает О. И. Ревуцкий, «более заметным ... проявлением персональности, суть которой заключается в эмоционально-оценочном отношении автора к изображаемому. Этим определяется и специфика коммуникативной направленности художественных текстов: их потенциальный читатель должен быть способен к проникновению во внутренний мир автора, видению изображаемого его глазами, сочувствию и сопереживанию» [2, 40]. Развивая идеи И. Р. Гальперина об особом характере художественной модальности, О. И. Ревуцкий обращает внимание на тесную связь «модальности художественных текстов с образностью», на их высокую информативную насыщенность, цельность, связность (и даже «бессвязную связность»), на имплицативность – «нев्यраженность автором некоторой части содержания в расчете на то, что читатель сам сможет дополнить недостающее» [2, 43], на проспекцию и ретроспекцию, когда «время может не соответствовать естественной хронологии событий», когда «возможны “прорывы” в далекое прошлое, свободное “путешествие” по разным временным планам и т. д.» [2, 44]. Отсюда логически вытекает «высокая степень антропоцентризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [3, 49].

Объектом нашего исследования послужили система и функционирование вербоидных структур в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир», гениальном классическом произведении русской и мировой художественной литературы. Творчески используя богатейшие возможности, заложенные в русском языке, проявляя свое видение мира, осуществляя индивидуальные подходы в процессе реализации художественного замысла, Л. Н. Толстой воплотил эпохальные события, отразил судьбы, чаяния, мысли, радости, горести сотен людей из разных сословий, разных стран и разных народов.

Л. Н. Толстой часто использует классификаторы как средство расширения структурно-семантических границ вербоидов и акцентирования внимания читателя на существенных, с точки зрения писателя, фрагментах объективно-субъективного мира. При этом классификаторы могут вводиться как в один отдельно взятый вербоид, так и в различные по объему структурные комплексы вербоидов.

В первом случае классификатор в вербоиде вычленяет фрагмент из эмоционально-психической сферы человеческой деятельности, акцентируя на нем внимание, например: 1. «Поскорее, поскорее бы», думал Ростов, чувствуя, что наконец-то наступило время **изведать наслаждение атаки**, про которое он так много слышал от товарищей-гусаров [4, 236]; 2. Пьер **почувствовал увлечение и прелесть бешенства** [5, 36]; 3. Он ужаснулся своему сомнению и, стараясь **вызвать** в себе **прежнее чувство умиления**, повергся к вратам храма [5, 87]; 4. Устроился в большом доме в верхних покоях и **испытываю** **счастливое чувство обновления** [5, 185]; 5. По тому, что он так смотрел на дело, он не только без сокрушения о том, что лишается участия в последней борьбе, **принял известие о назначении** его в командировку за ремонт для дивизии в Воронеж, но и с величайшим удовольствием, которое он не скрывал и которое весьма хорошо понимали его товарищи [6, 19]; 6. В разоренной и сожженной Москве Пьер **испытал** почти крайние **пределы лишений**, которые может переносить человек; но, благодаря своему сильному сложению и здоровью, которого он не признавал до сих пор, и в особенности благодаря тому, что эти лишения подходили так незаметно, что нельзя было сказать, когда они начались, он переносил не только легко, но и радостно свое положение [6, 105]; 7. И конвойные, как бы боясь в том горестном положении, в котором они сами находились, не **отдаться** бывшему в них **чувству жалости** к пленным и тем ухудшить свое положение, особенно мрачно и строго обращались с ними [6, 163]; 8. Кроме общего отчуждения от всех людей, Наташа в это время **испытывала** **особенное чувство отчуждения от лиц своей семьи** [6, 186].

К числу общих структурных свойств отмеченных вербоидов нужно отнести наличие классификаторов **наслаждение, увлечение и прелесть, чувство, известие, пределы**, а также то, что если замена их однословными коммуникативными эквивалентами в некоторых примерах теоретически и возможна (в языке существуют синонимичные с вербоидами глаголы), то практически она не осуществима, поскольку и структурно, и в смысловом отношении разрушает созданные писателем различные по объему текстовые фрагменты. Наиболее ярким в этом смысле является первый пример. Так, вербоид **изведать наслаждение атаки** имеет два коммуникативных эквивалента – **насладиться атакой** и **атаковать**. Однако ни первый, ни тем более второй, однословный, не смогут «детализировать» это эмоционально-психическое состояние Николая Ростова так, как это реализуется аналитичным по составу и семантике вербоидом. Каждый компонент вносит семантическую «лепту» в данный текстуальный фрагмент в качестве своих косвенно-производных значений, которых нет в глаголе **атаковать**. Поэтому весьма справедливы слова В. Н. Телия, что «главная причина существования в языке косвенно-производных значений слов, обозначающих непредметные сущности, заключается в том, что в этой сфере собственно словообразовательные средства номинации крайне непродуктивны» [7, 142] и (добавим. – В. С.) и невозможны.

Во втором примере представлена, в принципе, та же структурно-смысловая уникальность вербоидов. Здесь в вербоид включены два классификатора – **увлечение и прелесть**. Попытка трансформации этого дискретного сочетания убеждает лишь в том, что смысловой сгусток фразы оригинален, отличается целостностью и, естественно, не подвержен внешним изменениям. Так, это сочетание можно попытаться «разложить» следующим образом: **Пьер увлекся и «прельстился» бешенством; Пьер «взбесился»**. Несмотря на то, что представленные номинации могут войти в соответствующие полные номинативные ряды (**увлечься, почувствовать увлечение, испытать увлечение; «прельститься», почувствовать прелесть, оцутить прелесть; «взбеситься», почувствовать бешенство, оцутить бешенство**), даже попытка включения их в текст воспринимается искусственной.

С меньшей долей категоричности, но по существу то же можно сказать и о других вербоидах, приведенных выше. Так, теоретическая возможность, но практическая нецелесообразность трансформаций этих дескрипций, особенно в однословные компоненты (*вызвать чувство умиления – почувствовать умиление – умилиться; испытывать чувство обновления – чувствовать обновление – «обновляться»; принять известие о назначении – «известиться» о назначении – «назначиться»; испытывать пределы лишений – «предельно лишаться»; не отдаться чувству жалости – не почувствовать жалость – не пожалеть; испытывать чувство отчуждения – чувствовать отчуждение – «отчуждаться»*), наглядно подтверждается контекстом, его стилистическими рамками и литературной нормой. Так, например, коммуникативно допустимые, находящиеся на одной стилистической линии с вербоидом *не отдаться чувству жалости* синонимические коммуникативные эквиваленты *не почувствовать жалости* и *не пожалеть* не воспринимаются текстом: препятствие на пути включения их в текст создает словосочетание *бывшему в них*, подчеркивающее, выделяющее семантику классификатора *чувство*.

Как видим, классификаторы, выбирая контекстпартнёров, «задают тон» в формировании содержания различных по протяжённости речевых сегментов. Это ещё более заметно в следующих примерах: 1. *Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрепала канонада, пальба, стук колёс экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетёры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперёд рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он испытывает то чувство удесятёрённой радости жизни, какого он не испытывал с самого детства [4, 199]; 2. И кроме бледности, на лице маленькой княгини **выразился** детский **страх** неотвратимого физического страдания [5, 40]; 3. Первое время своего знакомства с Сперанским князь Андрей **питал** к нему страстное чувство восхищения, похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарте [5, 137].*

В каждом из примеров фигурируют в качестве контекстпартнёров классификаторов прилагательные, непосредственно или опосредствованно связанные с ними, которые выражают интенсифицированный эмоционально-экспрессивный, образный признак. В качестве интенсификаторов-распространителей категориально-концептуальной семантики классификаторов используются также синтаксические конструкции, включающие в свой состав акцентирующие компоненты типа: *какого не испытывал; то, которое испытывал*. Кроме того, в первом примере заключающая смысл часть, в которую входит вербоидная структура и грамматически зависимая от неё конструкция, является своеобразным итогом предшествующей части, характеризующейся объёмным реальным содержанием и повышенной коннотацией.

Весьма распространённым средством в творческой манере Л. Н. Толстого является прием «наложения» вербоидов, когда деривационные сочетания, имеющие один деривант, объединяются в один комплекс, фокусирующий значения нескольких предикатных существительных – семантических центров вербоидов: *С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен, и потому, не быв жестоким, он **возбуждал** к себе **страх** и **почтительность**, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек [4, 112]; Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверно **подвергнуть** всю армию **позору**, подобному ульмскому, или общей **гибели** [4, 221]; Этот человек теперь в силе, я должен **приобрести** его **доверие** и **дружбу** и через него устроить себе выдачу единовременного пособия [4, 253].*

Как видим, в отмеченных комплексах слиты вербоиды, имеющие один деривант: *возбуждать страх и почтительность = возбуждать страх + возбуждать почтительность; подвергнуть позору или гибели = подвергнуть позору + подвергнуть гибели; приобрести доверие и дружбу = приобрести доверие + приобрести дружбу*.

Естественно, комплексы вербоидов, включающие классификаторы, характеризуются более сложным структурно-смысловым рисунком: 1. *Он не мог отказаться от места или, скорее, звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, а знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Пьер еще больше, чем в Москве, **испытывал** **чувство** **отуманенности**, **торопливости** и всё наступающего, но не совершающегося какого-то **блага**» [4, 257]; 2. *Но он всей душой желал верить, и верил, и **испытывал** радостное **чувство** **успокоения**, **обновления** и **возвращения** к жизни [5, 75]; 3. *Кто из русских людей, читая описания последнего периода кампании 1812 года, не **испытывал** тяжёлого **чувства** **досады**, **неудовлетворенности** и **неясности** [6, 177]; 4. *Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, **являет** необычайный в истории **пример** **самоотвержения******

и сознания в настоящем будущего значения события, – Кутузов представляется им чем-то неопределенным и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто немножко стыдно [6, 195]; 5. При упоминании о княжне Марье Ростов **испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха** [6, 24]; 6. Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную душистую баранину, Петя **находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей** [6, 147].

Весьма тонко и выразительно передается психическое состояние Пьера в первом предложении, особенно той его частью, которую представляет комплекс вербоидов «*испытывал чувство туманности, торопливости, ... блага*». Семантическое разнообразие этой конструкции, выражаемое всеми ее компонентами, а также цельность, монолитность её структуры создают своеобразный смысловой «фокус», направленный на сознание читателя и вызывающий у него ответную эмоционально-экспрессивную реакцию. Понятно, что попытки определенным образом трансформировать эту конструкцию безуспешны, так как они разрушают авторский художественный замысел.

Не могут быть заменены однословными коммуникативными эквивалентами – глаголами – структурные части комплекса вербоидов *испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения (успокоился, обновился, возвратился)*. Этому препятствует особый, книжный характер именных компонентов *успокоение, обновление, возвращение*, элементы семантической градации этих компонентов, прилагательное *радостный* перед классификатором *чувство*.

В третьем примере, кроме семантически нарастающей градации именных компонентов вербоидов, наличия прилагательного *тяжелый*, препятствующего структурным изменениям всей конструкции, сохранению ее монолитности способствует отсутствие односложного коммуникативного эквивалента к вербоиду *испытывать чувство неясности («неяснаться»)*. Не изменяет ситуации существование в языке однословных коммуникативных эквивалентов *досадовать, удовлетворяться*, которые по стилистическим и дистрибутивным свойствам остаются за пределами данного комплекса.

Тема-рематический центр четвертого текстуального фрагмента *являет пример самоотвержения и сознания* представляет собой комплекс, состоящий из двух вербоидов (*являет пример самоотвержения, являет пример сознания*), который практически не поддается трансформациям, благодаря прежде всего классификатору *пример* с грамматически зависимым от него распространенным определением, а также тому, что первый вербоид не имеет односложного коммуникативного эквивалента.

В пятом примере деривационный комплекс «*испытывал непонятное для него самого чувство застенчивости, даже страха*» цементируется адекватным словосочетанием *непонятное для него самого*.

Шестой пример демонстрирует весьма сложный структурно-семантический рисунок, который проступает через контуры вербоидного комплекса *находился в состоянии любви и уверенности в любви: находился в детском восторге, находился в состоянии детского восторга, находился в состоянии нежной любви, находился в восторженном детском состоянии нежной любви ко всем людям: находился в состоянии уверенности в такой же любви к себе других людей*. Между основными вербоидными частями существует тесная логическая связь, выражающаяся причинно-следственными словами *вследствие того*.

В предложении *Получив известие о Бородинском сражении и об оставлении Москвы, Ростов не то чтобы испытывал отчаяние, злобу или месть и тому подобные чувства, но ему вдруг стало скучно, досадно в Воронеже, всё как-то совестно и неловко* [6, 30]. Толстой, исходя из целей повествования, весьма оригинально «снимает» избыточную негативную коннотацию с именных компонентов вербоидного комплекса, используя союзное сочетание с семантикой предположительности *не то чтобы* и помещая в постпозицию заключительный по значению аналитический классификатор *и тому подобные чувства*, который накладывает запрет на возможные трансформации данного вербоидного комплекса: *испытывать отчаяние – отчаиваться, испытывать злобу – злиться, испытывать месть – мстить*. Этим достигается семантическое согласование первой предикативной части сложносочинённого предложения, включающей вербоидный комплекс, со второй частью.

Своеобразным рематическим заключением является характеризующийся интонацией понижения сегмент с вербоидным комплексом и придаточной частью, зависимой от этого комплекса, в периоде: *Всякий молодой человек, приезжающий в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно своему счастью) улыбающиеся, девичьи лица, на эту оживлённую беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё*

готовый, исполненный надежды лепет женской молодёжи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, **испытывал** одно и то же **чувство готовности к любви и ожидания счастья**, которое испытывала и сама молодёжь дома Ростовых [5, 48]. Вербоидный комплекс представляет два вербоида с классификатором **чувство**: *испытывать чувство готовности к любви, испытывать чувство ожидания счастья*. Концептуальный характер классификатора **чувство** приобретает существенную конкретизацию со стороны придаточной части, включающей, кроме того, трансформированную аналитическую номинализацию вербоидного комплекса – *которое испытывала*. В результате итоговый сегмент, отличающийся семантическим единством, и сегмент, характеризующийся интонацией понижения, представляют собою весьма ёмкий по содержанию и чёткий по структуре речевой фрагмент – период.

Мощный рематический акцент на классификаторе **чувство** делается писателем в предложении «Ростов, стоя в первых рядах Кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, **испытывал** то же **чувство**, какое испытывал каждый человек этой армии, – **чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения** к тому, кто был причиной этого торжества» [4, 309]. Во-первых, классификатор обретает особый рематический артикль *то же*, во-вторых, рематизированный таким образом классификатор **чувство** требует художественной конкретизации. Для её осуществления писатель использует встречающийся в романе приём – трансформированный повтор, в данном случае вербоид *какое (чувство) испытывал*, который с детализатором *каждый человек этой армии* выстраивает конкретизаторы (*испытывал*) **чувство самозабвения**, (*испытывал* **чувство**) **гордого сознания могущества**, (*испытывал* **чувство**) **страстного влечения** в порядке возрастающей семантической градации.

В предложении «И слова эти одинаково **возбуждали** в нём **удивление** к гениальному герою, **чувство оскорблённой гордости и надежду славы**» [4, 208] три вербоидных компонента, составляющих вербоидный комплекс, отличаются относительной семантической автономией, так как классификатор **чувство** принадлежит второму вербоидному компоненту данного комплекса: **возбуждали удивление**, (*возбуждали*) **чувство оскорблённой гордости**, (*возбуждали*) **надежду славы**. Это позволяет писателю более рельефно, аналитично выразить фрагменты ментально-психической сферы человеческого сознания.

Выводы

Итак, классификаторы-существительные значительно расширяют структурно-семантические возможности как отдельно взятых вербоидов типа *испытывать радость*, так и вербоидных комплексов типа *возбуждать страх и почтительность*. Естественно, Л. Н. Толстой широко и весьма эффективно использует в романе-эпосе «Война и мир» эти дискретные единицы, организуя языковой материал в различные по объёму, структуре и содержательному наполнению смысловые блоки, что способствует вовлечению разнообразнейших фактов из ментально-психической сферы человеческой деятельности, представленной в гениальном произведении.

Литература

1. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 504 с.
2. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 319 с.
3. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. – С. 49.
4. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 1 / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. Т. 4. – М. : Художественная литература, 1979.
5. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 2 / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. Т. 5. – М. : Художественная литература, 1980.
6. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 4 т. Т. 4 / Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. Т. 7. – М. : Художественная литература, 1981.
7. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – С. 142.

Summary

The structure, semantics and functioning of the verboid constructions with noun-classifiers in the novel-epic «War and Peace» by L. N. Tolstoj are investigated.

Поступила в редакцию 12.02.10.